

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

Глава первая

ВЕЛИКИЙ АРН НА ПОКОЕ

Что Арнольд Гамов, выйдя на пенсию, уединился в домике на заповедной Куршской косе Юго-Восточной Балтики, мне было известно. И что он не откликается на телефонные звонки, не отвечает на письма и телеграммы, не принимает приглашения на торжественные встречи и деловые совещания, тоже не составляло секрета. Я все же решился проникнуть к нему. Я надеялся, что самый знаменитый звездопроходец нашего времени заинтересуется моделью сверхмощного галактического крейсера, разработанного в нашем конструкторском бюро. Экспертная комиссия Большого Совета отвергла этот вариант космического корабля, компьютер Института Звездонавигации из ста восьмидесяти тысяч слов, хранившихся в его памяти, выбрал только два для оценки конструкции: «Неразумно смело». После такого убийственного заключения нам оставалось лишь поднять руки. Мои сотрудники, не пожелав сдаваться, задумали привлечь к экспертизе Гамова.

Но он не ответил на письмо. Институтские астронавигаторы ехидничали: легче-де спроектировать новый корабль на «отлично», чем добиться от старого поисковика хотя бы малого знака внимания. Тогда я взял расчеты и чертежи и вылетел к Гамову. Я знал, что у него живет садовник Таллиани и что тот лишь по профессии садовник, а по призванию — цербер: свирепо спрашивает любого сразу после фразы «Здравствуйте, я хотел бы...», а кто немедленно не убирается,

тому предстоит любоваться распахнутыми пастями трех чудовищных догов, ждущих лишь сигнала, чтобы прыгнуть. Признаться, я не очень верил таким рассказам. В прошлом, говорят, бывали и злые сторожа, и цепные собаки, и замки на дверях, и прочие жуткие вещи, о которых ныне давно забыли. Правда, от Арнольда Гамова, когда он ходил в дальний поиск, всегда ждали необычайного. «Чудаковатые находки вполне в духе великого Арна», — выразился о его открытиях друг Гамова Крон Квама. Неудивительно, что и на Земле он, постаревший, но сохранивший прежнюю чудаковатость, не слишком считался с обычаями.

Это вступление должно объяснить, почему я три раза звонил у ворот, не решаясь перешагнуть порога. Никто не откликнулся. Не показывался и садовник Том Таллиани, которым меня пугали, не появлялись готовые разорвать исполинские псы. Я прошел по дорожке, обсаженной сиренью и розами, к домику. Кончался май, сирень пьяно цвела, распускались розы. В липах, обступивших дом, заливались соловьи. Домик был одноэтажный, три окна на дорогу, столько же на море, с верандой на юг. Постучав в дверь, я убедился, что она не заперта, и вошел. В доме было пять комнат, четыре небольшие, одна побольше, со стереоэкраном и стеклянными шкафами — что-то вроде музея минералогии и чучел неземных животных. Никого в комнатах не было. Я вышел на веранду. От нее шла дорожка на берег. Я направился к морю.

Садик метрах в двадцати от домика упирался в береговую дюну. Песчаная, невысокая, засаженная — для крепости — колючими кустиками, дюна служила естественной защитой от моря: даже в бурю волне не одолеть такой преграды. Балтика, светлая, в белой пене катящихся на берег волн, открылась наотмашь. Шел шторм с юго-запада, странный, мало напоминающий обычные бури, когда ветер гонит валы, клонит деревья, свистит травой и ветками, вздымает песок. Волны взметались немалые, метра на два, а ветра не было. Зрелище безветренной бури захватило меня, я не вдруг заметил старич-

ка, согнувшегося на склоне дюны. Он был похож на замшелый пенек, седой, лохматый, в сером, плотно облегающем комбинезоне. Он не обернулся, только тихо сказал — и я сразу узнал глуховатый, протяжный голос, столько раз слышанный со стереоэкрана:

— Садитесь, и помолчим, хорошо?

Пристроившись рядом, я искоса поглядел на него.

Голос за те двадцать лет, что «великий Арн» отошел от дел, изменился мало, хотя и в нем появилась старческая хрипотца, но лица и фигуры я бы не узнал, встретиться мы ненароком.

Седина, и раньше густая в темных волосах, теперь стала сплошной и желто-золотистой, щеки запали, на руках вздулись синие жилы, гладкую кожу взбугрили узлы. Только нос, внушительный, как труба, — «на троих создавался, одному достался», — остался прежним, даже казался крупней на сжавшемся лице. Я описываю так подробно внешний вид Гамова, потому что мне выпало грустное счастье одним из последних видеть его и он уже мало походил на свой канонизированный портрет.

— Смотрите! — прошептал он, будто боясь громким звуком что-то спугнуть. — Смотрите, ведь как красиво!

Он показал на море, и я повернулся к морю. Солнце шло слева, от суши на воду, весеннее, низкое, и близился вечер, а волны, накатываясь, как бы вырастали у береговой кромки, и летящая над ними пена еще прибавляла высоты. И я увидел воистину удивительную картину. Балтика, всегда зеленовато-стальная, летом больше зеленая, зимой больше стальная. Она и сейчас была такой, когда взгляд охватывал большое пространство, но волны, вздымавшиеся передо мной, светились полупрозрачно-красным, как крымские сердолики. Эта сумрачная краснота шла изнутри, прорывалась сквозь поверхностную зеленоватость глубинным жаром. А пена, летевшая над гребнем, чуть впереди него, была не белой, а розовой, волны, косо мчавшиеся на песок, шли от солнца, разбивались не всей стеной, но от южного своего конца к северному, и пена

той части волны, что взметывалась на берег, вдруг прощально ярко вспыхивала. И по всему гребню, по всей его розовой пене бежал от одного конца к другому огонь и погасал в отдалении, а на берег надвигалась новая волна с розовым воротником, и по ней опять бежал от одного края волны к другому густой огонек.

— Из такой розовой пены родилась Афродита, — сказал я.

— Вот такую же розовую пену мы наблюдали на Кремоне, — тихо отозвался он. — Там погиб астробиолог Петр Кренстон. И, спасая его, отдали жизнь еще двое. Вы слышали об этом?

— Кто же не знает о вашей высадке на Кремоне!

Он упер локти в колени, охватил лицо ладонями, не отрывал глаз от полупрозрачных, как бы раскаленных изнутри волн с розовыми венцами пены, и я тоже вглядывался в них, и слушал грохот воды, и вдыхал пахнувший морем воздух, и меня заполняло ощущение сродни сладкому дурману: пена, раскатываясь на песке, превращалась в летящую взвесь, япил ее и хмелел и, поглощая розовый туман, сам как бы становился полупрозрачным и красноватым, во мне тлел внутренний жар, мне хотелось посмотреть на себя со стороны и убедиться, что как солнце светит сквозь вздымающуюся стену волны, так и сквозь мое тело, окрашенное в красное, просвечивают предметы, что позади.

— Собственно, кто вы такой и зачем явились? — услышал я вдруг.

Гамов теперь смотрел не на море, а на меня — недоверчивый, строгий взгляд отстранял меня от волн, выталкивал из дурмана.

Я вяло пробормотал:

— Не мешайте, здесь так красиво!

Он расхохотался, потом сказал:

— Я рад, что до вас дошла магия вечерних безветренных волн. Афродита, между прочим, родилась в утренней, а не в вечерней розовой пене. Если бы вы явились на утренней зорьке во время наката с востока, а не с запада, как сейчас, то

праздник рождения богини дошел бы до вас во всем величии. Итак, кто вы такой и что вам нужно?

Я довольно путано объяснил, чего мои сотрудники и я желаем. Он покачал головой. Нет, наша просьба неосуществима. Он позабыл о космосе. Он слишком мало жил на Земле, на зеленой, на прекрасной, на матерински доброй Земле. Пусть не мешают ему последние годы жизни дышать лишь ею, думать лишь о ней, прикасаться к ее траве, ее воде, ее снегу, ее влажной почве...

Он говорил все это, закрыв глаза, нараспев, он декламировал. Не утерпев, я прервал его:

— Чепуха, Арн! Вы смотрите на божественное зрелище вечерней земной зари, а вспоминаете трагедию на Кремоне. Вы не отстранитесь от космоса, и космос от вас неотстраним.

Он приподнялся. Он был невысок. На меня глядели с худого лица не по-стариковски голубые живые глаза, желто-белые волосы, упавшие вдоль щек, подчеркивали яркость глаз. Он был похож на святого, грозящего грешникам с древней иконы. Лишь несоответствие лика великомученика и гибкой худощавой фигуры выдавало характер — святости было не ждать от лихого астроразведчика Арнольда Гамова.

— Вы говорите о космосе, юноша, — сказал он хмуро. — А что знаете о нем? Два-три галактических рейса, стажировка на ближних планетах, командировка куда-нибудь в дальний уголок, так? Космос — ваша профессия, верно? А душа где?

— Я был на Кремоне, где мало что напоминает, какой вы ее впервые увидели. Но трагедия Кремоны может повториться в других местах. Моя профессия — делать такие происшествия невозможными. Разве этому нельзя отдать душу?

— Вы строитель галактических кораблей? «Орион» — ваше детище?

— «Орион» спроектирован у нас, я главный конструктор.

— Хороший корабль, — сказал он задумчиво. — В мое время таких не было. Сколько бы жизней мы сохранили, если бы шли не на «Икаре», а на «Орионе».

— «Орион» — плохой корабль. Лучше «Икара», но хуже того, какой мы сейчас предлагаем. Вам достаточно познакомиться с расчетами, чтобы в этом убедиться.

Его глаза стали рассеянными. Он смотрел внутрь себя, оглядывался на прошлое. Потом он вздохнул и возвратился в настоящее. Улыбка преобразила его лицо, оно, помолодев, перестало быть ликом. Он откинул за уши желто-белые волосы и протянул руку:

— Здравствуйте, Василий Грант. Я много слышал о вас. В мое время немало было дерзких конструкторов, но, кажется, вы всех отчаянней. Говорят, что, если вас не удовлетворяют законы природы, вы исправляете их, правда? — Он не дал ответить и продолжал: — Но вы совершаете тривиальную ошибку — хотите техническими новшествами предотвратить все опасности. Кое-что это дает, не спору. А если главная опасность — страсть души? Сколько киловатт развивает гнев? Печаль и скорбь — какова их мощь? И какое тормозное усилие в унынии? И какой дополнительный импульс в честолюбии?

— Не понимаю, Арн.

— Поймете. Пойдемте.

Он заскользил с дюны. Я шел за ним. У садика я обернулся к морю. Солнце садилось, и волны и пена были уже не розовыми, а кроваво-красными. Гамов отворил калитку сада и нажал кнопку на воротах. У соловьев настал час вечернего азарта, они тѣхкали отовсюду. На дорожке вдруг возникли три гигантских черных пса — широко разверстые пасти злобно нацелились на меня. Я замешкался. Гамов рассмеялся:

— Ужасов дальнего космоса не страшитесь, трех безобидных существ испугались!

Доги остановились, Гамов шел прямо на них. Все собаки радуются, увидев хозяина. Эти и не помыслили вилять хвостом и строить умильные морды. Я шел за Гамовым, сознавая, что сближение со страшилищами не сулит добра. Но Гамов прошел сквозь них. Он сделал знак не отставать, и я пересек

туловище среднего дога, не ощутив сопротивления. Пройдя несколько шагов, я обернулся. Псы двигались позади, и морды их так же свирепо скалились.

— Неплохо сработано, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Оптическая иллюзия?

— Стереобраз. Каждый дог может совершать сто тридцать два движения, включая лай, ворчание и ласку. Их придумал Гюнтер Менотти на «Икаре». Здесь его создания отпугивают непрошенных посетителей. Уходя к морю, я забыл включить аппарат, а то бы вы так легко до меня не добрались.

— Ваш сторож Том Таллиани тоже стереобраз?

— Он-то живой. Но на эту ночь уехал в Клайпеду. Входите, конструктор Василий Грант.

В комнату, куда он ввел меня, я уже заглядывал. Тогда она показалась похожей на музей минералов и чучел. Но это был скорее кабинет, а не музей, она вся была полна книг, ящичков с пленками и фотографий старинного образца — изображения менялись, когда менялся угол зрения, — а всего больше звездных карт, плоскостных и стереоскопических.

В углу стояли два кресла, массивные, прочные. Я сел в одно, Гамов в другое. Между шкафами висел веерок фотографий, две женщины и семь мужчин — знаменитый экипаж «Икара», в таком составе он стартовал в дальний поиск с Галактической базы на Латоне.

— Да, — сказал Гамов. — Молодые, красивые, энергичные... Не все вернулись, но если бы мы и знали свою судьбу, ни один не отказался бы от похода. Ибо что смерть? Неизбежность! Три столетия биологи обещают одарить нас бессмертием, но дальше долголетия не пошло. Нет, мы не страшились смерти как таковой, мы боялись преждевременной смерти, ибо она означала, что наша цель не будет достигнута. Трое узнали именно раннюю смерть...

— Техническая подготовка вашей экспедиции...

Он вспыхнул. Каждому, изучавшему экспедицию на «Икаре», известно, что ее руководитель иногда впадал в такой

гнев, что от него шарахались. Гамов впился в меня побелевшими глазами. Гнев его, впрочем, угас столь же быстро, как и зажегся. Он сказал с какой-то грустной иронией:

— Опять техническая подготовка!.. Она была прекрасной.

— Я читал ваши отчеты, заключения следственных комиссий, научные монографии о вашем рейсе.

Он пренебрежительно махнул рукой:

— Поздравляю. Мне не удалось одолеть все, что написали о нас. Не сомневаюсь, нашли бездну умного. Ну и что? «Икар» был лучше подготовлен к дальнему рейсу, чем мы, его экипаж. Не уверен, что это понимают даже умные конструкторы.

Гамов своими туманными намеками на свойства характера, будто бы мешавшие удаче рейса, начал меня раздражать. Я был бы плохим конструктором, если бы согласился, что техническая оснащенность — что-то второстепенное. И рейс «Икара», несмотря на понесенные жертвы, был на редкость успешным, результаты его крупно обогатили науку о космосе — сетования на неудачи звучали неискренне.

Никого теперь не удивляет, что в полете среди членов экипажа появляются разногласия. Наука о совместимости характеров пока достижениями не блещет: разводятся порой и влюбленные.

Я не постеснялся именно так ответить Гамову.

— Не понимаете, юноша, — сказал он с досадой. — Совместимость у нас была идеальной. Мы любили друг друга! Но как бы это сказать?.. Могли смотреть на одно явление и видеть его по-разному.

— Боюсь, ваши объяснения не доходят до меня.

Он опять впал в отрешенность, как бы одеревенел, глаза стали тусклыми — смотрели и не видели. Не сомневаюсь, что в эти минуты перед ним возникали тысячи воспоминаний.

Вернувшись в реальность, он засмеялся:

— Не могу сказать, чтобы вы были деликатны. Я никого не принимаю, никуда не выезжаю, ни с кем не беседую, а вы моими категорическими «нет» пренебрегли. Даже страшные

доги вас не испугали. Впрочем, я забыл их включить, это моя оплошность. Знаете, а вы хорошо сделали, что не посчитались с моими странностями. Одиночество все же томительно. Не надейтесь, что я увлекусь вашими чертежами. Но поговорить о рейсе «Икара» могу, — возможно, вы что-нибудь и для себя извлечете полезное. Идет?

Я, естественно, согласился.

С той беседы прошло больше года. Недавно человечество узнало о смерти прославленного звездoproходца. На торжественную церемонию внесения праха Арнольда Гамова в Пантеон прибыли астронавигаторы и поселенцы с дальних планет, их было больше, чем землян. Наше конструкторское бюро, спроектировавшее семьдесят лет назад галактический крейсер «Икар», получило три пригласительных билета. Первый предложили мне. Я не пошел. Я хотел оставить в памяти образ человека — пожилого, усталого, телесно уже почти немощного, но сохранившего такую живую душу, смотревшего такими живыми глазами, хотел слышать его глуховатый голос, так непрестанно менявшийся: то насмешливый, то катгоричный, то гневный, то грустный, звучавший порой такой печалью... Наши предки говорили: «В человеке ищи душу живую». Мне кажется, я нашел в той долгой ночной беседе «душу живу» великого странника Галактики, я боялся ослабить память о ней церемонией внесения его мертвого тела в уготованное навечно жилище. В Столице были развешаны траурные флаги, звучала скорбная музыка, а я улетел за город, и сидел в саду, и думал о живом, а не мертвом Гамове, о маленьком, умном, добром, вспыльчивом старичке, — и как бы въяве блуждал с ним по главам его долгого галактического путешествия...

Был вечер, и была ночь, и подошло утро, а он все говорил, а я все слушал...

Глава вторая

ПОГОНЯ НА МИЛЛИОНЫ ЛЕТ

— Для своего времени «Икар» был первоклассным галактическим кораблем, — так начал Арнольд Гамов. — Могучие аннигиляторы пространства безотказно обеспечивали сверхсветовые скорости. Я особо подчеркиваю это обстоятельство, ему мало придает значения новое поколение астронавигаторов, считающих движение вне эйнштейнового пространства не чудом человеческого гения, а обыденной операцией. Но мы, экипаж «Икара», понимали, что сотворено чудо, и благоговели перед величием людей, сумевших преодолеть пространство, уничтожая его вокруг себя. Вы легко сделаете отсюда вывод, что «Икар» для нас отнюдь не был некой космической гостиницей. Мы видели в нем воплощение технического волшебства, врученное нам, особо отмеченным, как высочайший дар. Восхищение кораблем нас прочно объединяло.

Но не только это. Мы на редкость подходили друг к другу. Два года нас испытывали на дружбу в тяжелейших условиях Плутона, потом среди вулканов Гефесты и на жутких равнинах Цереры, двух планетах в системе Альгаира. На дружбу, юноша, не на совместимость! Одной совместимости мало для дальнего поиска, нужна любовь. Так вот, любовь была! Мы составили редкостный коллектив — девять влюбленных друг в друга молодых астронавигаторов. Бывают влюбленные пары, это естественно и тривиально. Влюбленная девятка — нечто исключительное, согласитесь. Мы были таким исключением и гордились этим. Если один долго отсутствовал, остальные

восемь тосковали. А если отсутствовали двое, семь нервничали, теряли аппетит. Я добавлю еще деталь, хоть, возможно, вы о ней знаете. Гюнтер Менотти, первый астроинженер, и Петр Кренстон, биолог, были влюблены в Анну Мейснер, нашего астрофизика. На Земле, нет сомнения, Анна вышла бы замуж за Петра и отвергла Гюнтера. Но в экспедиции на «Икаре» она пожертвовала любовью ради высшей цели — именно так она объявила мне — и никогда не оказывала Кренстону предпочтения перед другими, а оба они, Гюнтер и Петр, ни разу не показали, что она для них значит больше, чем остальные... Слово «показали» — нехорошее, оно наводит на мысль о неискренности, оно ассоциируется с известной бранью предков: «показуха». Неискренности не было, была гармония! И как живое существо, теряя какую-либо свою часть, превращается в инвалида, так и наш коллектив, утратив одного из девяти, становился покалеченным. В этом всецелостном единстве была наша сила. Но и наша слабость!

О первых четырех годах наших галактических блужданий вам говорить нечего, они описаны, рассказаны, проанализированы. То, что называли огромным успехом «Икара», захватывает и этот период. В эти первые четыре года не встретилось ни одной загадки, не распутанной нами. А чего еще желать поисковику?

На пятый год, после четырехмесячного полета в пустом космосе, анализаторы уловили под углом градусов в тридцать к курсу два быстро несущихся тела. Их быстрота сразу привлекла внимание: естественные тела не мчатся со скоростью почти пятьсот километров в секунду. Фома Михайловский, штурман и мой заместитель, считал, что мы повстречались с космическими кораблями. Разумных цивилизаций, вы это знаете не хуже меня, обнаружено немало, но технически развитых пока нет. Я приказал выброситься из сверхсветового в эйнштейново пространство и догонять незнакомцев. Автоматы забили тревогу: от первого корабля — если это был корабль — уловлено очень слабое излучение, из тех, что убийственны для любой организованной материи, ибо разрывают

внутримолекулярные связи. Вряд ли оно могло нам серьезно грозить — у «Икара» мощные защитные поля, — но причина для беспокойства была.

Скоро сомнений не оставалось: мы повстречались с механизмами, а не с космическими шатунами, те, кстати, в этом регионе Галактики редки. Вы, надеюсь, знаете стереоизображения этих кораблей и поэтому можете понять, как мы удивились, увидев, что они напоминают мифические «летающие тарелки», так будоражившие воображение наших предков, — правда, не сферические, а эллипсоидные. Алексей Кастор назвал их блюдоподобными чечевицами.

Корабли шли один за другим на расстоянии примерно в семьдесят-восемьдесят тысяч километров, отдаление по масштабам космоса ничтожное. На наши позывные, посланные всеми видами излучений, они не отозвались. И не было заметно, чтобы работали двигатели: искусственные сооружения летели, как мертвые тела. По нашим понятиям это означало, что на кораблях аварийное состояние. Я приказал затормозить силовыми полями «Икара» передовой корабль, а когда приблизится второй, остановить и его.

Мы шли наперерез их курсу. Первый корабль послушно замер в объятиях наших силовых тисков, другой быстро приближался. Фома готовился затормозить и его, когда вдруг носовая часть «блюдоподобной чечевицы» ярко озарилась, погасла, вновь озарилась и вновь погасла. Так повторилось три раза, последняя вспышка была самой яркой, но и самой непродолжительной. Фома с криком «Он расстреливает передового!» включил тормозное поле такой мощности, что не только сам второй корабль, потеряв ход, закачался в силовых сетях, но и любое выпущенное им излучение мгновенно погасало.

Если бы Михайловский сумел это сделать хоть секундой раньше, передовой корабль был бы спасен. Но теперь нам оставалось лишь наблюдать — а после нас и вам, когда на Землю доставили снимки, — как его после первого залпа

охватило пламенем и как второй залп разнес его на пылающие осколки, а третий неминуемо превратил бы все осколки в плазму, если бы Фома не предотвратил такой финал.

— Какое зверство! — воскликнула Анна Мейснер, она первая пришла в себя. Несправедливость всегда больно задевала ее, а тут событие не вызвало сомнений. — Бандитизм!

Ее поддержал Иван Комнин, в возбуждении не церемонившийся в выражениях, а невозбужденным мы его почти не знали: его волновало и то, что он видел, и то, что, не видя, воображал. В Академии о нем говорили: «Иван нервничает только в двух случаях: когда дождь идет и когда дождя нет!» Он запальчиво закричал:

— Арн, это же флибустьеры Галактики, это же пираты космоса! Прочучи их силовой оплеухой! Пусть потрясутся в своей бронированной чечевице!

— Спокойней, друзья! — приказал я.

Признаюсь, я растерялся. Вообще мне несвойственна быстрота воображения, еще экзаменационный компьютер характеризовал меня как тугодума. Когда необходима стремительность решений, я блеска не показываю. К счастью, в таинственном космосе такие экстремальные случаи гораздо реже, чем на нашей ласковой упорядоченной Земле. Заступая на дежурство, я включаю автоматы на любые аварийные возможности: с надежными помощниками мне спокойней. Но тогда мы и мысли не допускали, что один корабль гонится за другим, чтобы его уничтожить, да и вели они себя, как мертвые тела, — и не дали автоматам особых программ. Я продолжал:

— Мы пока не знаем причины события. Один корабль пытался уничтожить другой, ему — с нашей помощью — это удалось. Но почему это сделано? Что это за корабли? Кто в них обретается? Не будем спешить с выводами.

На Земле потом в этом обращении к экипажу увидели мудрость руководителя экспедиции. Можете мне поверить:

не было мудрости, была растерянность, было желание отстраниться от немедленных действий. А что именно такое поведение оказалось единственно разумным, объясняется объективной сутью событий. Анна, наш астрофизик, заметила, что опасное излучение шло от уничтоженного корабля, а не от преследователя и, возможно, это играет роль в катастрофе. Я попросил Михайловского не дать остаткам взорванного корабля разлететься в космосе, и он артистически сжал в компактную кучку все обломки и пыль. Остальные наши действия определялись ситуацией: на втором корабле находились разумные существа, надо было вступить с ними в контакт.

Как и прежде, корабль не отвечал на наши сигналы. Его недавние активные действия свидетельствовали, что он обитаем. Но он снова вел себя как тело, лишенное жизни: не делал попыток вырваться из силовых тенет, пассивно покоился в наших полях. Мы облетели вокруг, рассматривали его сверху, снизу, с боков: он вспыхивал металлическим блеском в сиянии наших прожекторов — и это была единственная реакция на все попытки добиться связи.

— Затаились! — сердито сказал Иван. — Арн, будь осторожен. Как бы они не пальнули в нас.

Поведение странного корабля мне тоже не нравилось. Но и непрерывно кружить не имело смысла. Мы выслали автоматический космический катерок, сконцентрировав на нем охранные поля. Он пролетел под самым носом «блюдца», вернулся и спикировал на него, словно собираясь ударить. Отпора не последовало. Только что мы видели грозное орудие разрушения, с огромной стремительностью пущенное в ход. А сейчас вокруг нахально носился эдакий космический комар — и это покорно сносили. Иван перешел от гнева к восторгу: его настроения менялись быстро:

— Ну и нервы у флибустьеров космоса! Ведь вряд ли они догадываются, что все их залпы для нас не опасней детской хлопушки!

Он преувеличивал мощь нашей защиты, сильной, но не абсолютной. Все просили о высадке на чужой корабль, я колебался. Внезапное превращение мертвой коробки в чудовищную боевую машину заставляло ожидать любой новой неожиданности. На меня стали наседать. Я огрызнулся:

— Всем, кто не на вахте, спать! У меня нет желания завязывать контакт с поля космического сражения!

Спать, естественно, никто не пошел, но терпения я добился. Час бежал за часом: Мы перестали кружить вокруг «блюдоподобной чечевицы», но не выпускали ее из своих полей. Восемнадцать глаз настороженно и недоверчиво наблюдали за чужим кораблем, он был недвижим, темен, бесстрастно покоился неподалеку. Временами Алексей озарял его вспышками прожекторов, поисковые лучи продолжали оконтуривать «чечевицу», сигналы всех тридцати восьми типов галактической азбуки периодически несли просьбу о связи — контакта не было. Я приказал разведочной группе готовиться к высадке на чужой корабль.

По судовому расписанию разведочная группа состоит из трех человек: командир астроинженер Гюнтер Менотти, члены — биолог Петр Кренстон и социолог Мишель Хаяси. Мне предоставлено право дополнять группу любым членом экипажа. Я добавил в группу себя. Из трех наших разведочных катеров мы выбрали планетолет «Гермес»: он был тихоходным, но самым оснащенным.

Вы и без меня хорошо знаете, как мы вертелись вокруг чужого корабля, отыскивая входное отверстие, и как, не найдя ничего, загерметизировали площадку на корпусе, где анализаторы показали внутренние пустоты, и как, проделав лаз, проникли внутрь, и как сразу же наткнулись на скелеты трех странных, но, несомненно, когда-то живых и разумных существ. Мертвецы показались нам громадными осьминогами, они и истлевшие — одна костяная броня и растрескавшиеся кости ног — походили на отлично выделанные чучела, а не на холмики праха, хотя при неосторожном прикосновении превращались в прах.

Снегов С.

С 53 Галактическая одиссея : роман, повести / Сергей Снегов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 640 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-24916-5

Космос в творчестве классика отечественной фантастики Сергея Снегова обжит и исследован основательно. Тому пример его знаменитая и первая в истории российской фантастики космоопера «Люди как боги» и многие другие произведения. Но куда бы ни заносила отчаянных представителей человечества извечная тяга к новому, к познанию тайн Вселенной, — в мир ли аммиакодышащих муравьев, как в повести «Галактическая одиссея», или в удивительные дзета-миры, где не действуют земные физические законы («Экспедиция в иномир»), или на планету Гаруна, пораженную раздвоением времени («Хрононавигаторы»), — человек прежде всего должен оставаться человеком. Такова была жизненная позиция писателя, чего только не испытал на своем веку — от лагерей на Соловках и в Норильске до попыток вычеркнуть его имя из нашей литературы.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СНЕГОВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.01.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-FFB-33901-01-R